

- [Теодор Драйзер](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Теодор Драйзер

Могучий Рурк

Увидел я его впервые в городе Спайке, в ремонтных мастерских, где в машинном отделении подготавливали площадку для небольшого динамо, и он распоряжался работами: то громко кого-то распекал, то что-то властно приказывал. Под его началом работало с десятков итальянцев, все, как один, невысокого роста смуглые крепыши, причем старшему было лет пятьдесят, младшему — не больше двадцати пяти. Они перетаскивали материалы из вагона, стоявшего неподалеку от мастерских на запасных путях. В вагоне находился цемент, щебень, старые доски, тачки, разные инструменты и все, что могло понадобиться в ходе работы. Сам он, без пиджака, с засученными рукавами, стоял в дверях машинного отделения и кричал с истинно ирландской напористостью:

— Эй, Мэтт! Эй, Джимми! Бери лопаты! Бери кирки! Тащи песок! Камни тащи! А цемент где? Цемент-то где! Черт побери! Цемент мне нужен! Какого дьявола вы здесь валандаетесь? Вас зачем подрядили? Ворон считать? Живей пошевеливайтесь! Тащите цемент! — И, закончив эту бурную тираду, он стал не спеша поглядывать по сторонам, как будто он один во всем мире имел право никуда не торопиться.

К этому времени я уже немало претерпел в жизни и стал неодобрительно относиться ко всякого рода хозяевам, особенно к таким ретивым, как этот. «Вот уж подлинно рабовладелец! Этакая скотина!» — думал я. Однако внешне он не производил неприятного впечатления, скорее наоборот. Это был человек среднего роста, плотный, с толстой шеей; седеющие волосы и усы были коротко подстрижены, глаза, светло-серые, живые и выразительные, настоящие ирландские глаза, блестели и искрились. Держался он властно, не допуская, как видно, даже мысли, что его могут не послушаться, всей своей манерой он словно говорил: «Я здесь хозяин!» — и верно, он был здесь хозяином. Не эта ли черта причиной тому, что из ирландцев во всех уголках земли получают отличные

начальники.

Работа, которой он здесь руководил, была не бог весть какая важная и сложная, но интересная. Нужно было выкопать яму размерами десять на двенадцать футов и, выложив ее досками, сделать «форму», затем замешать бетон, залить его в эту форму и сюда же вделать железные полосы для крепления целого генератора на станине. Работа не была такой уж срочной, и проводить ее можно было бы гораздо спокойнее, но что поделаешь, если у человека энергия бьет через край, если ему нравится, когда вокруг него шум и грохот, если он любит сознавать, что дело идет вперед, даже когда в действительности оно, может быть, стоит на месте. Он, видимо, просто находил удовлетворение в этом шуме и суете. Ему так хотелось поскорее закончить начатое, что он без усталости носился по мастерским и кричал:

— Эй, Мэтт! Эй, Джимми! Живо! Тащи лопаты! Тащи кирки! Да ну, живее!

А по временам извергал целые водопады команд:

— Вверх давай! Вниз! Вправо! Влево! Вперед! Назад! — И каждое слово он подкреплял своим неизменным «черт побери», которое, как я впоследствии убедился, в его устах звучало так же безобидно, как любое дружеское обращение. Короче, это был пленительный в своей непосредственности ирландец, характерный тип, вроде киплинговского Нэмгей Дула.

Как я уже сказал, вначале он произвел на меня ужасное, прямо-таки отвратительное впечатление. «Ирландская скотина! — говорил я про себя. — И подумать только, что люди должны работать на него! Должны сносить все его измышательства!» Вскоре, однако, я обнаружил, что он не так уж дурен, как мне сперва показалось, а затем он даже начал мне нравиться.

Причиной столь быстрой перемены было отношение к нему его подчиненных. Как рьяно он их ни подгонял, они, казалось, пропускали все мимо ушей и, уж во всяком случае, не надрывались на работе. Он мог стоять над ними и орать: «Вверх! Вверх! Вверх! Вверх!» — или: «Вниз! Вниз! Вниз!» — так что, казалось, не то что нервы, канаты бы не выдержали, а они обращали на его крики не больше внимания, чем на тиканье часов, видимо, воспринимая их, как нечто неизбежное, само собой разумеющееся, к чему они уже давно привыкли. Двигались они лениво, словно фланеры с Пятой авеню или с Бродвея. Доски и камни они переносили с такой бережностью, словно то были хрупкие предметы огромной ценности. У всякого, кто это видел, на губах невольно появлялась улыбка. Почувствовав в конце концов весь комизм происходящего, я не выдержал и засмеялся. Рурк обернулся ко мне и резко, но беззлобно

передразнил:

— Ха-ха-ха! Поработал бы, как они, так не стал бы смеяться!

Я хотел было ответить: «Ну уж и работнички!», но вместо этого произнес:

— Да ну? Я что-то не вижу, чтоб они особенно надрывались! Да и вы тоже! А вы не так уж свирепы, как кажется.

Затем я объяснил, что смеялся не над итальянцами, а над ним; и он отнесся к этому с полным добродушием. Постепенно мы разговорились о железнодорожных делах. (Я, по существу, только числился здесь рабочим, мне разрешалось трудиться столько, сколько было нужно для моего здоровья; получал же я двенадцать центов в час.) Так началась наша дружба.

В это утро я узнал, что Рурк берет подряды на строительные работы. Он обычно выполнял подобные работы на участке от Нью-Йорка до пятьдесят третьего километра — строил бетонные платформы, угольные бункеры, переходы, опоры для мостов, фундаменты зданий и вообще все, что можно было построить из бетона, кирпича и камня. У него было с десяток рабочих; в его распоряжении находился вагон, который передвигался вслед за ними с места на место. А посылали его то туда, то сюда, в зависимости от того, где требовались его услуги. Он рассказал мне, что иной раз для того, чтобы поспеть на работу к семи часам, ему приходится вставать в четыре утра. Большая железнодорожная компания, в которой он служил, соблюдала только свои интересы; ей было совершенно безразлично, получают ли Рурк и его рабочие передышку или нет. Да Рурк, как он сам признавался, и не избегал трудностей, они ему были даже по душе. Он уже целых двадцать два года работал на эту компанию. «И дождиком меня мочило и солнышком сушило — всякое бывало». Буря, гроза, непроглядная темень — ничто не могло его остановить.

— В конце концов должен же я вовремя быть на месте! — сказал он однажды со своей лукавой ирландской усмешкой. — Не за то ведь мне платят, чтоб я валялся в постели! Вот и ты, — добавил он, глядя на мою худую, жидковатую фигуру, — поработал бы так с годик, вставал бы каждый божий день с петухами, так, может, и из тебя вышел бы настоящий мужчина.

— Вы думаете? — смиренно ответил я. — А сколько вы получаете?

— Два с половиной в день.

— Да что вы говорите! — воскликнул я с притворным изумлением.

Вот уж подлинно расщедрилась эта железнодорожная корпорация, подумал я про себя; два с половиной доллара за десятичасовой рабочий

день, за подготовку и надзор над постройкой столь важных сооружений! Рурк, без сомнения, «имел право на счастье», согласно нашему американскому лозунгу, только вряд ли оно давалось ему в руки. Сам я, однако, был в это время в еще худшем положении. Я долго хворал и теперь получал двенадцать центов в час при десятичасовом рабочем дне. Главная же неприятность заключалась в том, что десятник, под чьим началом я работал, был мне донельзя противен. Нахальный, горластый невежда с огненно-рыжей шевелюрой! Я жаждал уйти от него. Это нетрудно было бы устроить: в управлении железной дороги у меня имелись кое-какие связи, надо было только найти кого-нибудь, кто мог бы дать мне подходящую работу. Подыскать такого человека — вот в чем была вся трудность; и чем больше я присматривался к этому Рурку, тем больше он мне нравился. Видно, добрый, по-настоящему сердечный человек, удивительно простой в обращении, искренний. Я решил попроситься к нему.

— А вы не взяли б меня к себе, мистер Рурк? Мне очень хотелось бы работать у вас, — робко спросил я после того, как рассказал ему, как я оказался на этой работе.

— Ладно, отчего не взять. Пригодишься, — ответил он.

— Мне вместе с итальянцами работать? — спросил я, далеко не уверенный в том, что совладаю с лопатой и киркой.

Этот вопрос, видимо, развеселил его — столь не соответствовала моя хилая внешность его представлениям о людях физического труда.

— Хватит тебе дела и так. Без лопаты и без кирки, — успокоил он меня. — Эта работа не для белого. Пускай негры ворочают. Посмотри, какие у них спины, какие плечи! А у тебя что?

Я почувствовал, что краснею от стыда. Эти бедняги итальянцы, на которых я склонен был смотреть свысока, физически были развиты несравненно лучше меня.

— Рурк, почему вы их зовете неграми? — спросил я, помолчав. — Они же не черные.

— А черт! Да и не белые же! — И с глубоким убеждением он добавил: — Это же всякому ясно с одного взгляда!

Я даже улыбнулся, так уверенно он изрек эту бессмыслицу.

— Ладно, — согласился я, — пусть будут черные.

И мы прекратили этот разговор.

Вскоре я подал заявление, в котором, ссылаясь на согласие Рурка, просил перевести меня под его начало. Мою просьбу удовлетворили. В тот день, когда я присоединился к его бригаде, или «команде», как он называл своих подчиненных, они работали возле Уильямсбриджа, небольшой

станции к северу от Нью-Йорка, на берегу реки Харлем, — строили бетонный бункер для угля. Это было живописное местечко: кругом лужайки, деревья. Не сравнить с темной и душной мастерской. Мне оно показалось раем. Ласковое утреннее солнце, зеленая листва на деревьях, нежный прохладный ветерок!

Я нашел Рурка в только что вырытой яме под платформой, где он с помощью отвеса и уровня что-то прикидывал и намечал. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ага! Пожаловал наконец, — проговорил он, ухмыляясь.

— Да, — ответил я и тоже улыбнулся.

— Как раз вовремя. Для тебя есть дело! Поезжай-ка в контору.

И не успел я ответить «хорошо», как он, обдав меня запахом свежескопанной земли, выскочил из ямы, нагнулся к своему старенькому серому пиджаку, который валялся подле ямы, и, порывшись в карманах, вытащил скомканное, перепачканное письмо. Неуклюже развернув листок толстыми, заскорузлыми пальцами, он с отвращением поглядел на него и сунул мне.

— Поезжай-ка в Вудлон, — продолжал он, — и достань болтов — их там цельный бочонок, оформи требование да отправь их сюда. После сходи в контору и отдай им вот эту штуку. — Тут он снова порылся в карманах и выудил еще одну смятую бумажку, на этот раз желтого цвета (как она мне въелась в память!). Это был печатный бланк — скоро я с ними хорошо познакомился! — специальная форма, которую нужно было заполнять и подписывать при получении любых материалов, пусть даже одной-единственной доски, гвоздя или болта. Компания требовала такого оформления от всех десятников для того, чтобы точнее вести учет. Бухгалтерия без этих ведомостей была как без рук. А Рурк между тем твердил, что все это вздор и бессмыслица, что нельзя на каждом шагу требовать с человека бумажки.

— Видать, они думают, обжулить я их, что ли, хочу, — говорил он, сердясь и негодуя.

Я сразу же понял, что Рурк провинился, нарушив установленные компанией правила, и ему за это уже влетело, или, как здесь выражались, ему накрутили хвост. Он гневался и возмущался во всю силу своего воинственного ирландского темперамента. Вместе с тем его, видимо, утешала мысль, что теперь я сниму с его плеч бремя и освобожу от всей этой «распроклятой чепухи». Человек он был опытный и с первого взгляда понял, что найдет во мне помощника. Впоследствии я убедился, что только поэтому он меня и взял.

Когда я уже собрался уходить, он отпустил на прощание еще одну дерзость по адресу начальства:

— Скажи им там, что когда получу материал, тогда напишу, а раньше — черта лысого!

Я ушел, хорошо понимая, что этого передавать не следует и что сам Рурк вовсе не хотел, чтобы я это передал, — просто в нем говорил ирландский задор. Я приехал в Вудлон, достал болты, затем отправился в контору и отыскал там главного клерка. Это был человек, похожий на танцмейстера, на нем ладно сидел форменный сюртук с высоким воротником. Он, как оказалось, тоже негодовал. Рурк не желает присылать отчетности на материалы! И на то не прислал и на другое не прислал — он, по-видимому, даже не понимает, что ведомости нужны ему, главному клерку, для составления сводок! Рурк по целому месяцу задерживает сведения, — по месяцу, а то и больше! — и материал все это время где-то валяется, дожидаясь, пока его не используют! Главный клерк желает знать, какие объяснения Рурк намерен представить по этому поводу, и когда я сказал, что Рурк, по-видимому, считает наиболее удобным сложить все материалы на какой-нибудь станции и по мере надобности брать их оттуда, а ведомости оформлять потом, главного клерка чуть не разорвало от злости.

— Еще чего! — завопил он, хватаясь за голову. — Да за кого он меня принимает?! Как, он думает, я буду составлять отчеты? Ах, он, значит, сложит где-нибудь все материалы и будет брать по мере надобности! Ваш Рурк круглый идиот! Так ему от меня и передайте! Сколько лет служит на железной дороге, пора бы самому знать! Сейчас же отправляйтесь назад и скажите, что как только ему сообщат, что такой-то материал передан в его распоряжение, он должен тотчас, немедленно, заполнить ведомость и переслать мне. Все равно, что бы он ни получал, хоть одну гайку, хоть целый вагон песку! Мне необходимы эти сведения! И пусть сейчас же заполнит все, что пропустил, а то будет плохо. Я больше этого не потерплю. Как, он думает, я буду вести отчетность? Пусть хоть вам это поручит, благо вы сейчас здесь. Нас это избавит от многих неприятностей, а ему поможет сохранить место. Но запомните: впредь никаких опозданий! Представлять ведомости вовремя! А не то или ему или мне придется уйти.

Вот эти ведомости да штук двадцать длинейших сводок и отчетов, к которым подкалывались еще всякие бумажки, так или иначе связанные с работой, от расписки в получении материала до сведений об израсходовании бланка стоимостью в одну десятую цента, делали жизнь нашего Рурка невыносимой. Позже я узнал, что все его семейство, во всяком случае, старший сын и обе дочери просиживали, случалось, целые

вечера над этими документами. Все это не имело прямого отношения к строительной работе — а только такая работа интересовала Рурка, — но являлось необходимой частью той административной системы, в которой он подвизался. Этого он никак не мог себе уяснить. Вся эта канцелярщина имела, без сомнения, и отрицательную сторону, а именно: если человек был достаточно усидчив и умел составлять отчеты, обильно уснащая их цифрами, то даже при низком качестве работы он был на хорошем счету у начальства; и наоборот, если его сводки были путанными или неполными, то как бы хорошо он ни работал, успехов его обычно не замечали. Рурк это понимал и бесился. Свою работу он всегда старался сделать как можно лучше, на совесть, и гордился этим, а от него, как назло, требовали писанины и отрывали от дела. Ему казалось — в этом была его ошибка, — что для строительных работ все эти ведомости и отчеты — чистая помеха. И получалось, что Рурк, работавший лучше многих, только из-за своего неумения составлять отчеты пользовался неважной репутацией, в особенности в глазах главного клерка. Клерку этому я, разумеется, пообещал, что передам Рурку все, как он велел. Затем я удалился.

По возвращении, однако, я решил действовать как можно дипломатичнее. Ведь если я не улажу это дело, мне останется только лопата и кирка, а на такую работу я вряд ли способен. Поэтому я в самых жалостных тонах изобразил тяжелое положение главного клерка, которому грозит увольнение, если он не получит должным образом оформленных ведомостей на все взятые Рурком материалы.

— Понимаете, Рурк, как обстоит дело, — закончил я.

Он, казалось, понял, но гнев его еще не остыл.

— Ведомости! Ведомости! — ворчал он, все еще сердито, но уже постепенно смягчаясь. — Ведомости ему нужны! Ну пошли ему, что ли, эти ведомости! Вот ведь привязался! Ест он их, что ли, вместо хлеба? Я, выходит, и десятником должен быть и счетоводом — все сразу! Ведомости ему заполняй! Дела у меня другого нету!

Он сплюнул и замолчал.

Немного погодя он с добродушной усмешкой признался:

— А я ведь совсем и позабыл про эти ведомости.

В следующем месяце нас завалили работой. Надо было построить платформу в Морисании, сложить дымоход в Тарритауне, заасфальтировать тротуар в Уайт-Плейнс, а в Такахо выкопать и обложить камнем большой бункер. Кроме того, мы должны были еще построить в Ван-Кортленде и Маунт-Киско платформы, в Хай-Бридже и Эрдсли — водонапорные башни, в Кэриле — переход и дренажную канаву, в Бронкс-Парке — сток и

мусорную яму, а в Мелрозе установить штук сорок бетонных межоконных столбов для здания. Нечего говорить, что, помимо собственно строительных работ и надзора над ними, осуществлять который мог только сам Рурк, требовалось еще многое множество подсчетов и всяческих отписок. «Что за нелепость, — думал я, — человек по уши занят тяжелой строительной работой, а ему не дают конторщика или счетовода, чтобы хоть частично освободить его от этой писанины». Конечно, будь он чуточку посмекалистее, он давно мог бы завести себе такого помощника — перевести одного из своих рабочих в конторщики, а числить по-прежнему рабочим. Но Рурку это, видимо, в голову не приходило. Он привык рассчитывать только на свою семью. Для одной лишь подготовки к работе, оформления заказов на материалы и надзора за тем, чтобы они были своевременно доставлены и выгружены, требовался специальный человек; однако Рурк вынужден был все делать сам.

И тем не менее управлялся он превосходно. Я не встречал равных ему в работе. Правда, он предпочитал командовать — забраться на стену или в котлован и там что-то вымерять, рассчитывать, распорядиться. Но когда требовалось быстро выполнить какое-нибудь сложное дело, он сам брался за мастерок или за шнур, за уровень или отвес и трудился целыми часами. Он никогда не жаловался на усталость. Наоборот, всегда что-то напевал и насвистывал, но только до тех пор, пока не выходила какая-нибудь заминка. Тогда вдруг раздавался неистовый крик:

— Стой! Стой! Обожди! Ты хоть малость соображаешь или нет? Что ты делаешь? Что я тебе сказал? Положи! Положи сейчас же! Что, у тебя башка совсем уже не варит? Дурак! Болван! Идиот безмозглый!

«Господи, — думал я, — что еще там стряслось?» Можно было подумать, что произошла какая-нибудь катастрофа. Но обычно оказывалось, что до беды еще далеко, — просто вышла небольшая ошибка, хотя и чреватая последствиями, но легко устранимая. Несколько минут итальянцы бегали и суетились, потом все успокаивались, и опять слышно было, как Рурк мелодично насвистывает или напевает себе под нос старинную ирландскую песенку.

Но самое приятное в Рурке было его трезвое отношение к жизни, его непоколебимая уверенность в том, что главное — это работа, не разговоры, не отчеты и не проекты, а непосредственное производство чего-либо вещественного, сама вещь. Правда, пока я у него служил, никакая писанина его вообще не касалась, но если бы даже небеса разверзлись и восемь тысяч главных клерков в сомкнутом строю двинулись на него, требуя заполненных ведомостей и отчетов, он и тогда заставил бы их всех

обождают, пока не закончит работу. Однажды мне, в связи все с той же докучной канцелярщиной, понадобилась справка, дать которую мог только Рурк, и я ради этого оторвал его от работы. Он набросился на меня с криком:

— Отчеты! Отчеты! Ну, какой от них толк, скажи, пожалуйста? Работу мне бросать из-за твоих отчетов? Да кабы не эта работа, на кой черт они были бы нужны, твои отчеты!

И я всей душой согласился с ним. Действительно, на кой черт?

Другой обаятельной чертой Рурка было его отношение к подчиненным. Он обращался с ними как друг, почти как отец и хотя бушевал по временам, но потом опять становился приветлив и ласков. Он умел подбодрить людей добродушной шуткой, и это глубоко их трогало. Появляясь утром, он весело кричал:

— Здорово, ребята! Эх, и поработаем сегодня — на славу! Тащи лопаты, Джимми! Давай сюда шнур, Мэтт!

И сам лез в котлован, если проводились земляные работы.

И пока не случалось какой-нибудь заминки, на стройке царили мир и веселье. Скажу попутно несколько слов о Мэтте и Джимми, верных оруженосцах Рурка. Обоим перевалило уже за сорок. Гонимые жизнью бродяги, худые, грязные, огрубелые, бог весть каким ветром занесенные в Америку, претерпевшие бог весть какие злоключения, они имели теперь верный кусок хлеба, пригревшись под крылышком Рурка, который стал для них могущественным покровителем.

Мэтт, смешной маленький итальянец, отличался мягким голосом и деликатными манерами. Рурк его очень любил, но придирился нещадно. Стоило ему спуститься в яму, где работал Мэтт, и тотчас раздавался оглушительный рев:

— Сюда клади! Сюда, говорят тебе! Опускай! Сюда! Сюда! Черт тебя побери! Тупая твоя башка! — Вперемежку с яростными выкриками Рурка слышалось гортанное ворчанье Мэтта, который, видимо, не испытывал никакого страха перед своим начальником и не боялся получить от него затрещину; он уже так давно работал с Рурком, что эти взрывы на него больше не действовали, и он даже отваживался возражать. Иногда, но не каждый раз, Рурк вылезал после этого из ямы красный, как рак, — даже шея у него наливалась кровью, — и кричал: — Я тебя выгоню! Довольно я терпел! Ленивая скотина! Дурак! На что ты годен? Что ты можешь делать? Ни черта! Ни черта! Нет, теперь-то уж я тебя беспременно выгоню! Авось мне поспокойней станет!

Он приплясывал вокруг ямы, рычал и угрожал, пока что-нибудь другое

не отвлекало его внимания; тут он сразу успокаивался и опять становился добродушным. Мне кажется, что такие стычки, несмотря на все связанные с этим тревожения, доставляли Рурку удовольствие: он был из тех, кто счастлив, только когда воюет. Бывали случаи, что он уходил домой, не обмолвясь ни единым словом с Мэттом, и мне поначалу казалось, что Мэтту пришел конец. Но вскоре я увидел, что это не так. На следующее утро Мэтт как ни в чем не бывало являлся на работу, а Рурк больше не поминал о прошлом.

Однажды после такой ссоры я спросил у Рурка, сколько раз за последние три года он грозился выгнать Мэтта.

— Ну-у, — ответил он со своей пленительной улыбкой, — не все же в счет идет, что иной раз с языка сорвется.

Однако самым потешным из всей его «команды» был вышеупомянутый Джимми — смуглый уроженец Калабрии, с маслянистыми глазами и сладким голосом. Он сочетал в себе хитрость Макиавелли с дерзостью стервятника. Жил он по соседству с Рурком в одном из тех отдаленных городков на Харлеме, где ютится множество итальянцев, — Рурк, как наседка, собирал весь свой выводок к себе под крылышко. Джимми считался чем-то вроде слуги, был у Рурка на посылках: за какие качества ему оказали такое предпочтение — неизвестно, во всяком случае, не за расторопность. Как бы то ни было, он вечно бегал с каким-нибудь поручением, в своих полуистлевших, пыльных, болтавшихся на плечах обносках, напоминая какого-то отпетого бродягу, только что вылезшего из сточной канавы. Заставить же его делать тяжелую работу еще никому не удавалось. Такой труд он считал для себя низким и всегда ухитрялся найти иное занятие. Но так как он был специалистом по приготовлению цемента и ловко доставлял инструмент, все сходило ему с рук. Если же кто-нибудь отваживался призвать его к порядку, например, я (к слову сказать, он относился ко мне, как к чужеродному элементу), то он обычно отвечал:

— Ну, ну, я, небось, свое дело знаю. Я, слава богу, с Рурком уже пятнадцать лет работаю. Сам, небось, знаю, чего мне делать.

А если жаловались Рурку, тот усмехался и говорил:

— Ха! Ишь, хитрюга!

Или:

— Вот я ему задам!

Однако никогда этого не делал.

Но однажды Джимми проштрафился: он не выполнил особого поручения, которое возложил на него Рурк, и, хотя его оплошность не причинила никакого существенного вреда, по этому поводу разыгралась

очень смешная и характерная для Рурка сценка. В нашей железнодорожной компании существовало строгое правило, гласившее: «Во время установленного расписанием прибытия, стоянки и отправления поезда ни одна яма на станциях или другие углубления, которые могут стать причиной несчастного случая, не должны оставаться открытыми». Рурк это хорошо знал. Соответствующий приказ был давно прислан, и один экземпляр хранился у него в подшивке. Рурк поручил Джимми следить за соблюдением этого правила, — задание пришлось итальянцу по душе, теперь у него было сколько угодно свободного времени, и он мог невозбранно бездельничать, притворяясь, будто следит за поездами. Поэтому он и провинился вдвойне.

Вот как это произошло. Мы работали под платформой в Уильямсбридже, рыли котлован для угольного бункера. В это время с прибывшего на станцию поезда сошел старший мастер — он хотел проверить, много ли уже сделано. Поезд стоял, а рядом зияла открытая яма, на дне которой возился Рурк. Он что-то кричал, размахивая руками, — ему и в голову не приходило, что его приказание могло быть не выполнено. Старший мастер, который, как мне казалось, высоко ценил Рурка, подошел, заглянул в яму и спокойно сказал:

— Так нельзя, Рурк, вы должны прикрывать ямы перед прибытием поезда. Я об этом уже вам говорил.

Рурк взглянул вверх и лишился дара речи — так он был поражен, так сконфужен тем, что попал в столь неловкое положение перед начальством. Начальство он, надо сказать, уважал до благоговения. Секунду он молчал, задыхаясь от гнева, затем громовым голосом стал звать Джимми. Тот прибежал, восклицая, по своему обыкновению:

— Чего? Чего? Чего надо?

— Чего! Чего! — возопил ирландец, весь клопоча от ярости. — А ты, чертова кукла, сам не знаешь? Где тебя носит нелегкая? Почему яма открыта? Ведь говорил я тебе не оставлять ее открытой, когда поезд... И чтоб ничего кроме не делал! А ты! У, разиня! Почему оставил яму? Какого черта!.. Ведь надо ж, мистер Уилсон подходит сюда, а яма открыта!

Он весь взмок, покраснел, как свекла, казалось — его вот-вот хватит удар. Мистер Уилсон, темноволосый, бледный, худой человек унылого вида — бедняга, должно быть, страдал несварением желудка, — все это время стоял рядом, с нарочито суровым выражением лица, но с тенью усмешки на губах. Кажется, все это его забавляло, и он, я уверен, не собирался проявлять строгость.

Оторопевший Джимми не знал, что сказать. Перед лицом такого гнева

со стороны Рурка, да еще в присутствии старшего мастера, даже он растерялся: пытаясь заглядеть свою вину, он бросился прикрывать яму, одновременно что-то лепеча о лопате, за которой он будто бы отошел на минутку.

— Лопата! — взревел Рурк, сверкая глазами. — Лопата! Осел проклятый! Лопату искал! А поезда не видел! Как еще тебя, дурака, не задавило? А яма открыта! А мистер Уилсон тут! Я тебе что говорил? За что я тебе деньги плачу? Слюнтяй! Лопата, а? Вот я тебя пролопачу! Башку тебе проломлю, итальяшка вонючий! Клади доски! Попробуй только еще раз оставить яму открытой, в два счета отсюда вылетишь, чертов идиот!

Когда поезд наконец отошел от станции, увозя старшего мастера, Рурк успокоился, но и после этого еще несколько раз вскипал, — и бедный итальянец все время чувствовал себя как на раскаленных углях.

Спустя час снова подошел поезд, и была ли тут особая причина или виною всему лень и полная беспечность Джимми, но яма и на этот раз осталась открытой. Джимми околачивался где-то за вокзалом — наверное, курил, а Рурк, как обычно, работал в яме. На сей раз судьба его не пощадила, ибо наслала на него уже не старшего мастера, а самого инспектора — степенного и мрачного мужчину, перед которым Рурк испытывал воистину священный трепет. Инспектор всегда был необычайно солиден, внушителен и строг. Мне ни разу не случалось видеть улыбку на его лице. Он подошел к яме и, укоризненно взглянув вниз, сказал:

— Так-то вы закрываете ямы перед прибытием поезда. Пора бы изучить железнодорожные правила.

— Джимми! — гаркнул Рурк, выныривая на поверхность. — Джимми! Дьявол! Куда девался этот паскудный итальяшка? Ведь я же велел ему закрывать яму!

И он сам с лихорадочной поспешностью принялся укладывать доски.

Джимми, которого в этот миг осенила догадка, что случилась какая-то новая беда, обезумев от страха, бросился к яме со всех ног. Даже сквозь грязь, покрывавшую его щеки, даже сквозь его природную смуглость видно было, как он побледнел; выражение лица у него ежесекундно менялось. Рурк, наверное, убил бы его на месте; от стыда и волнения он не мог выговорить ни слова. Но перед ним стоял сам инспектор, — правила! необходимость соблюдать порядок! — и Рурк не посмел изничтожить итальянца в присутствии начальника. Он мог только беситься и выжидать. Подумать, что из него сделали посмешище, и перед кем — перед самим инспектором! Лицо и шея его побагровели, глаза метали искры; огненный взгляд, устремленный на ослушника, казалось, говорил: «Ну, обожди же ты

у меня!» Наконец, когда поезд отошел и происходящее на станции уже не могло оскорбить слух величественного начальника, Рурк обрушился на Джимми со всем неистовством своей властной и вспыльчивой натуры.

— Так ты, значит, не прикрыл яму? После того как я всего пятнадцать минут назад нарочно тебе говорил об этом? Ну-ка, чем ты теперь будешь оправдываться?

— Я таскал воду, чтоб бетон замешать, — жалобно откликнулся Джимми.

— Воду, чтоб бетон замешать! — простонал Рурк — говорить он уже не мог — и приблизил свое искаженное гневом лицо вплотную к лицу итальянца. — Воду! Чтоб тебе самому свалиться и утонуть в этой воде! А я сижу тут как дурак! А мистер Милз подходит и смотрит. Ах ты, скотина! Ах ты, выродец несчастный! У-у! Я из тебя самого воду сделаю! Расшибу твою безмозглую итальянскую башку! Вот суну тебя головой в эту воду и буду держать, покуда не захлебнешься, шут ты гороховый, мякинные твои мозги! Я тебе покажу, как оставлять яму незакрытой! Да еще когда я сам в ней! А ну, скидавай куртку и катись к чертовой матери! Скидавай, тебе говорят! Убирайся вон! Ты мне не нужен! На кой черт ты мне сдался! Довольно, проваливай! Чтоб я больше тебя не видел!

Руки его дергались так, словно он хотел разорвать итальянца на части.

Но Джимми сознавал опасность своего положения и заранее принял меры, чтобы не попасться Рурку в лапы. Все время, пока Рурк орал на него, он тихонько, шаг за шагом, пятился назад — все дальше и дальше — и теперь с удивительным для него проворством бросился бежать; очевидно, ему не раз уже приходилось бывать в таких переделках. В один миг он скрылся где-то за станцией, а немного погодя, когда Рурк утихомирился и снова принялся за работу, Джимми осторожно подошел и стал на страже над злополучной ямой, которой он до сих пор уделял так мало внимания. Едва заслышав гудок паровоза, он стремглав бросился к ней, и поезд не успел еще остановиться, как доски уже лежали на месте. Рурк на сей раз словно ничего и не видел. Весь остаток дня он решительно не замечал Джимми, как будто того вовсе не существовало. А на другое утро Джимми в урочное время явился на работу, и вскоре уже обычным порядком раздавались возгласы Рурка: «Эй, Мэтт! Эй, Джимми!» — как будто ничего и не произошло. Удивлению моему не было границ.

Другой случай, еще более комический, к тому же ярко характеризующий обстановку, окружающую Рурка, произошел в одно морозное октябрьское воскресенье. В Хай-Бридже на откосе прорвались подпочвенные воды, которые грозили подмыть железнодорожное полотно,

и Рурку поручили спешно прорыть отводную дренажную канаву. Приказ пришел в субботу вечером, и, чтобы его выполнить, нужно было работать все воскресенье — для Рурка вещь совершенно необычная. Приказ приказом, а Рурк, как подобает доброму католику, в воскресное утро почувствовал потребность помолиться и решил отстоять хотя бы раннюю мессу, прежде чем приняться за работу; по этому случаю он облачился в длиннополый сюртук — свою обычную воскресную одежду, — которого мне еще не доводилось на нем видеть. Это парадное одеяние придавало его коренастой фигуре крайне забавный вид. Сюртук, по правде сказать, был ему тесен, к тому же изрядно потрепан — я полагаю, что Рурк заказал его еще к своей свадьбе и с тех пор неизменно надевал каждое воскресенье. На голову он водрузил коричневый котелок и стал совершенно неузнаваем.

Движимый любопытством — самой сильной из моих страстей, — а также стремлением как можно больше времени проводить на воздухе, я в девять утра уже был на месте. Рурка пришлось ждать до десяти. С протекавшей недалеко реки Харлем дул свежий ветер, и я разложил под насыпью костер. Затем прямо из церкви явился Рурк, веселый и сияющий, в самом праздничном расположении духа, но, видимо, несколько стесняясь своего торжественного одеяния.

— Рурк, — сказал я, оглядев его со всех сторон, — какой вы сегодня нарядный. Я вас таким еще никогда не видел.

— Хватит болты болтать, — ответил он. — Сам знаю, что нарядный.

Затем он с обычной энергией принялся за работу: стал проверять, что уже сделано. Однако, несмотря на крайне деловое выражение лица, видно было, что он не может забыть о своем костюме и наше мнение ему не совсем безразлично. Что и говорить, в своей повседневной одежде он чувствовал себя куда свободнее.

Вначале все шло хорошо, ни единая тень не омрачала безоблачного утра. Около полудня, однако, я заметил на железнодорожных путях какого-то человека, неверной походкой приближавшегося к нам; он, очевидно, хотел видеть Рурка. Это был коренастый ирландец с гладко выбритым кирпичного цвета лицом, такой же здоровяк, как и Рурк, но помоложе и поглубже. Выцветший коричневый костюм тесно облегал его плотно сбитое тело, черный котелок был надвинут до самых глаз. С первого взгляда было ясно, что он уже изрядно навеселе. Заметив его, Рурк буквально вскипел от негодования, и как всегда в такие минуты, весь начал как-то раздуваться, словно его что-то распирало изнутри.

— Мерзавец! — пробурчал он. — Какого черта ему еще надо? — А когда незнакомец подошел ближе, он добавил: — Откуда он узнал, что я

здесь? В конторе, что ли, ему сказали?

Меж тем объект этих размышлений пересек пути и направился прямо к Рурку. По лицу его и по всем ухваткам видно было, что настроен он далеко не дружелюбно.

— Ну! Может, вы отдадите мне наконец денежки? — начал он с места в карьер.

Рурк вперил в него мрачный взор, но ничего не ответил; тогда тот продолжал:

— Я хочу знать, когда вы мне заплатите остальное за работу в Скарборо. Мне надоело ждать.

Рурка передернуло. Ему, видимо, было очень досадно и неловко перед нами, что этот тип явился прямо сюда — да еще в такое мирное, праздничное утро.

— Я тебе уже сказал, — сердито ответил он после небольшой паузы. — Ты получил все, что заработал. И даже больше. Ты ушел, а дела не кончил. От меня не получишь больше ни цента. Хочешь еще, иди в контору. Посмотрим, что тебе там скажут. У меня твоих денег нет.

И, заложив руки за спину, он подошел поближе к костру.

— Вы мне еще семь долларов должны, — возразил незнакомец, словно не слыша объяснений Рурка. — Подавайте-ка их сюда.

— Как бы не так! — отозвался мой повелитель. — Сказано, не дам! Ну, и все. Ничего я тебе не должен!

— Во-от ка-ак? — протянул тот. — Ну, посмотрим! Не отдашь добром, так я их из тебя вытяну. Думаешь, на дурачка напал? Не позволю себя обманывать.

— Ничего я тебе не должен, — повторил Рурк. — Убирайся-ка лучше, куда цел. Ничего не дам. А недоволен, так иди в контору. — Он решительно отвернулся, всем своим видом показывая, что не станет больше ничего слушать, и, буркнув на ходу, что этот малый, видать, пьян, отошел к итальянцам. Незнакомец, однако, последовал за ним и продолжал спор. Рурк крепился как мог, но в конце концов не выдержал и воскликнул: — Отвяжись! Ты пьян!

— Я не пьян, — огрызнулся незнакомец. — В последний раз спрашиваю — отдашь деньги?

— Нет, не отдам, — ответил Рурк.

— Ну, так я же их из тебя все одно вытяну, — пригрозил незнакомец.

Он, однако, ничем не подкрепил свою угрозу и продолжал нерешительно топтаться на месте. У него, видимо, не было определенного плана действий, а если и был, то теперь он от этого плана отказался.

Не обращая больше внимания на незнакомца, Рурк вернулся к костру. Он был еще сильно взволнован, хотя и старался казаться спокойным. Незнакомец, или, лучше сказать, бывший каменщик, — мне, впрочем, думается, что он не был членом рабочего союза, — поплелся за ним следом и, остановившись перед костром, с пьяным упорством уставился на Рурка. Он, видимо, никак не мог сообразить, что же ему делать дальше. Наконец Рурк, видимо для того чтобы разрядить тягостную атмосферу (ибо незнакомец снова принялся отпускать оскорбительные замечания по его адресу), отвернулся и стал разгребать угли, затем нагнулся и подбросил в костер несколько сучьев. В ту же минуту, повинуясь внезапному порыву — должно быть, его соблазнили оттопырившиеся фалды сюртука, — незнакомец прыгнул вперед, цепко ухватился за фалды, дернул что есть мочи и разодрал сюртук снизу до самого верха, мстительно приговаривая:

— Ах, так ты не заплатишь! Не заплатишь! Нет?

В мгновение ока все переменялось, словно на сцене. Рурк выпрямился, рывком обернулся и закричал:

— Ишь ты! Сюртук мне рвать! Ну я же тебе покажу! Я тебя проучу! Обожди! Теперь берегись! Все кости переломаю! Бездельник! Пьяница!

И какими-то странными, сужающимися кругами он начал приближаться к своему противнику. Глаза у него стали как щелки, кулаки то судорожно сжимались, то разжимались. Незнакомец, почувствовав опасность, начал отступать, описывая такие же круги вокруг Рурка и вокруг костра. Казалось, они исполняли какой-то воинственный танец. Лица их выражали неукротимую злобу и жажду убийства. Они кружились и кружились, точь-в-точь два индейца или воина из племени зулу, только вместо убора из перьев и бус на обоих были не первой свежести парадные сюртуки. Рурк выкрикивал без умолку:

— Ну-ка подходи! Подходи! Приготовился? Я тебе покажу! Пришибу! Костюм мне порвал, ишь ты! Иди сюда! Готовься! Сейчас я тебя разделаю под орех! Век будешь помнить! А ну! Иди сюда! Иди!

Можно было подумать, что они невидимы и должны отыскивать один другого при помощи этих таинственных кругов. Неизбежная драка не располагает к веселью, но я едва удержался от смеха, увидев спину Рурка. Вот так зрелище! Сюртук разодран до самого ворота, лохмотья веером развеваются по воздуху, а из-под них вылез жилет и накрахмаленная воскресная рубашка. Лицо незнакомца выражало какую-то торжественную, пьяную непоколебимость, словно говорило: «Умру, а не сдамся!» «Ох, и посмеюсь же я после», — подумал я.

Не знаю, во что бы вылился этот скандал, если бы ему не был положен

конец извне. Вокруг уже собиралась толпа. Кроме меня и взволнованных, готовых защищать своего отца и благодетеля итальянцев, у костра появилось несколько прохожих и пассажиров с соседней станции. Прибежал и начальник другой бригады, работавшей вместе с нами, — огромный детина, которому, конечно, ничего не стоило справиться разом и с Рурком и с его противником. Сперва он пытался выяснить, в чем дело, потом начал уговаривать драчунов.

— Обождите! В чем дело? Что за шум? Перестаньте сейчас же! Рурк, да ты позови полицию, пускай его заарестуют. Либо ступай к нему на дом, ты же знаешь, где он живет, там и деритесь! А здесь драться нельзя! Ну как придет кто-нибудь из начальства!

И он встал между противниками, своим грузным телом заслоняя их друг от друга.

Рурк, отчасти приведенный в себя этим вмешательством, но все еще кипящий от ярости и обиды, захлебываясь, кричал:

— Посмотри на мой костюм! Что с ним сделали! Смотри, что он сделал с моим костюмом! Люди добрые! Могу я это стерпеть? Всякий пьянчуга будет меня оскорблять! Чтоб я платил больше, чем он заработал! Он бросил работу, а я плати! Я ему покажу! Ребра переломаяю! Будет знать, как шляться и отрывать людей от дела! Я ему задам!

И он снова лез в драку, но с огромным детиной не так легко было совладать.

— Ну, так давай позовем полицию, — говорил тот примирительным тоном, — а здесь никак нельзя вам драться. Ты не должен драться, Рурк! Что подумает начальство! Ведь после сам жалеть будешь.

Он повернулся к пришельцу, чтобы потребовать у него объяснений, но того и след простыл. При виде растущей толпы он понял, что ему грозят серьезные неприятности, и пустился наутек по рельсовым путям, ведущим к Мотт-Хейвн.

Завидев, как он улепetyвает, Рурк снова разразился криками:

— Я тебя проучу! Поплатишься за это! Насидишься в тюрьме! Подожди! Не отвертись! Из-под земли достану!

Но это уже были последние раскаты грома: обидчик бежал, и буря улеглась. Немного погодя и Рурк отправился домой в Маунт-Вернон сменить свою разорванную одежду. Я никогда не видел его столь удрученным: он был мрачен, как туча, и полон решимости найти законную управу на своего обидчика. Но когда, спустя неделю, я осторожно осведомился, как дела с этим пьяницей, он ответил:

— Ну что с ним сделаешь? Денег у него нет. Посадить? Так ведь у него

жена и детишки...

На том и закончилась эта сугубо ирландская сценка.

Вскоре после моего приезда в Уильямсбридж Рурк стал поговаривать, что компания собирается возводить здание в Мотт-Хейвне, на одной из своих крупнейших сортировочных станций. Стройка, по его словам, предстояла очень большая. Надо из кирпича и камня возвести корпус в двести футов длиной и шестьдесят футов шириной. Был отпущен срок — три месяца. Компания специально дала такой срок, чтобы выяснить, может ли она своими силами, не прибегая к контрактам со стороны, справиться с подобным предприятием. По выражению лица Рурка, по его разговорам я понял, что ему очень хотелось бы заполучить этот подряд; в свое время, еще до того, как он связался с этой компанией, ему случалось брать крупные подряды, и он, наверно, не раз огорчался, что сейчас лишен такой возможности. Он чувствовал себя выше той мелкой работы, которую ему теперь приходилось выполнять. Ему хотелось вновь стать настоящим строителем крупного масштаба, показать компании, на что он способен, и тем завоевать наконец ее расположение; хотя для чего ему понадобилось это расположение — неизвестно, хорошего распорядителя, способного на истинный размах, из него, по-моему, все равно не вышло бы никогда.

С другой стороны, как ни манило его строительство в Мотт-Хейвне, он побаивался связанной с ним канцелярщины — всех этих отчетов и ведомостей, которые были для него истинной пыткой.

— Как себя чувствуешь, Тедди? — частенько стал он спрашивать, проявляя теперь к моему здоровью гораздо более интереса, чем раньше. (Я уже не раз говорил ему, что мне, должно быть, скоро придется уйти, — к этому принуждают меня материальные обстоятельства.)

— Хорошо, Рурк. Прямо-таки великолепно, — обычно отвечал я. — Поправляюсь с каждым днем.

— Во! Видишь? Это значит, что тут и есть твое место! Остайся еще на годик, а то и на два, совсем силачом будешь. А то уж больно ты худ. Надо, чтобы грудь окрепла. — И он дружески постукивал по моей костлявой груди. — Я вот, к примеру, ни разу в жизни не хворал.

— Да-а, — дружелюбно отвечал я Рурку, чувствуя непреодолимое желание подольше оставаться рядом с этим удивительным кладезем здоровья. — Постараюсь пробыть тут как можно дольше.

— Постарайся, постарайся, тебе это пойдет на пользу. А ежели меня подрядят строить новое здание, так это тебе будет еще полезнее. Работы прорва! Это тебя развлечет.

«Да, уж хорошенькое развлечение, нечего сказать!» — подумал я, но

не высказал своих мыслей вслух. Мне так приятен был этот здоровяк ирландец, так понятны его вполне законные честолюбивые мечты. Как же ему не помочь? Я дал понять, что не оставлю его, пока он не добьется подряда и не построит здание. Это его глубоко тронуло. Он был не чужд благодарности, но до того самонадеян и вспыльчив, что помогать ему надо было как-нибудь незаметно, в завуалированной форме. Он хотел все делать сам, только сам, хотя бы это и привело к неудаче. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы он мог действительно потерпеть неудачу, — слишком много у него было энергии и сил.

Тремя неделями позже ему действительно поручили эту работу. Тут-то и проявилась всюю его ирландская самоуверенность и властность. Мы перебрались в Мотт-Хейвн, представлявший собой громадное скопление всяких пристанционных построек: там, в самом центре густой сети железнодорожных путей, нам предстояло воздвигнуть новое здание. Рурку придали большую партию рабочих. Сорок итальянцев трудились теперь под его началом, не говоря уж о множестве так называемых плотников и каменщиков (это не были, конечно, умельцы и мастера своего дела, члены рабочих союзов, а разные неудачники, которым не повезло). Они выполняли подготовительные работы — производили выемку грунта для фундамента и тому подобное. Рурк рьяно командовал ими и чувствовал себя как рыба в воде. Особенно радовал его быстрый темп работы. Он носился по стройке с какой-то самозабвенной улыбкой на лице и так громко выкрикивал приказания, что их слышно было по всей округе. Я с истинным наслаждением наблюдал за ним. Иногда он останавливался у котлована, на дне которого копошились землекопы, вынимая грунт, обозревал длинный ряд спин, согнутых над лопатами, и, удовлетворенно потирая руки, говорил:

— Дело идет, Тедди! Идет! Я уже вижу, что дом подведен под крышу. — И тут же принимался подгонять и всячески тормозить рабочих не потому, что в том была нужда, — просто кипевшая в нем энергия не давала ему покоя.

— Разве так копают! Эх вы! Дружней, дружней берись!

Или:

— Неправильно держишь кирку, не видишь, что ли! Держи вот так! — кричал он, а то и сам спрыгивал в траншею и показывал, как именно нужно держать кирку, до крайности потешая этим некоторых рабочих. Иногда он демонстрировал передо мной различные фокусы и приемы своего ремесла, например, мастерок бросал так, что он на расстоянии десяти футов вонзался в доску, или, поддев ком земли, переворачивал лопату в воздухе,

— и земля с нее не падала; при этом он неизменно добавлял: «Покуда этому не научишься, каменщиком не будешь».

Когда ему надоедало пререкаться с рабочими, он приходил ко мне в маленький деревянный домик, где я выписывал требования на материалы и корпел над отчетами и сметами. Просмотрев бумаги — надо было видеть важность, написанную на его лице! — и убедившись, что все идет гладко, он обычно говорил:

— Самое тут твое место, Тедди! Отличный счетовод из тебя выйдет. Кабы меня в президенты выбрали, я б тебя сделал государственным секретарем.

Но больше всего его интересовал и заранее приводил в волнение предстоящий приход каменщиков. Как-то они с ним поладят, эти своевольные корсары рабочего мира, которые приходят и уходят, когда им нравится, ни у кого не просят милости и никому не разрешают вмешиваться в свою работу. Он, мне кажется, завидовал их дерзкой независимости и в то же время надеялся забрать их в руки и управлять ими по-своему — задача, надо сказать, достойная искуснейшего дипломата. Каменщики из рабочего союза! Любопытный народ! Такого веселого, беззаботного и бесцеремонного отношения к жизни я больше ни у кого не встречал. Это были — думаю, что могу так выразиться, — современные корсары, капитаны Кидды наших дней; они требовали, вынь да положь, свои шесть долларов в день, принимались за работу и прекращали ее, когда им вздумается, старались утруждать себя как можно меньше и способны были бросить дело в самый ответственный, критический момент; и вообще они находили особое удовольствие в том, чтобы доводить до отчаяния представителей тех корпораций, которые вынуждены были пользоваться их услугами. Не подумайте, что я против рабочих союзов. Мне нравятся организованные рабочие. Это крепкий народ, веселый, жизнь в них кипит ключом. Но иметь с ними дело не так-то просто.

Рурк, думая о них, очевидно, уже предвкушал будущие стычки. Приход каменщиков сулил ему как раз то, чего больше всего жаждала его душа, — возможность поспорить и поругаться с настоящими людьми, сильными, решительными, задиристыми, как он сам. Эти молодцы не станут смиренно сносить его нападки, они дадут ему отпор, — как и должны поступать, по его мнению, настоящие мужчины. Он не уставал говорить о них.

— Погоди, вот когда их у нас будет человек тридцать, а то и сорок, — сказал он мне однажды, — и каждый станет кричать: «Кладу шестьсот кирпичей — и баста», — вот тогда увидишь. Будет на что посмотреть!

Будет!

— Что же я увижу? — спросил я с любопытством. — Чего тогда будет?

— Драчка будет, вот чего. Это ведь не дохлые итальяшки. Эти не дадут себя в обиду! Попробуй покричи на них. Тут уж надо сразу рукава засучивать!

— Да, неприятное положение, — заметил я, затем добавил: — Рурк, а как вы думаете, удастся вам взять их в руки?

— Удастся ли? Мне? — воскликнул он, преисполняясь воинственного пыла при одной мысли о будущих столкновениях. — Да будь их хоть тысяча, я им всем покажу. Знаю я ихние штучки! Меня не проведешь. А тебе, дружище, — наставительно добавил он, — тоже будет занятие: станешь бегать в контору брать им расчет. Здорово придется побегать, уж это точно.

— Вы что же, их увольнять собираетесь? — изумился я.

— А как ты думаешь? — властно заявил он. — Почему бы и нет? Что они, не такие люди, как все? Почему их не увольнять? — Помолчав, он добавил: — Да нет, не буду я их выгонять, не бойся. Сами расчета запросят. Они ведь долго разговаривать не любят. Ах, мол, не нравится вам, как мы работаем, ну так пожалуйста расчет! Вот погоди, придет этакий молодец на работу, когда у него башка трещит с похмелья, либо вовсе не протрезвившись, — вот тогда увидишь, на что они способны!

Признаюсь, мне эта перспектива не показалась такой уж заманчивой, хоть я и оценил юмористическую сторону дела. Я спросил Рурка, стоит ли нанимать этих каменщиков, если они такие своевольные.

— А где еще найдешь рабочих? — ответил он. — Хорошие все в союзе состоят. А прочие гроша ломаного не стоят. Лентяи и пьяницы. Не будь наша компания против союзов, я бы ни одного из неорганизованных не взял. Да и то сказать, — раздумчиво продолжал он, и в голосе его прозвучала нотка сочувствия, — каменщики, которые в союзе состоят, имеют право так себя вести. Это ведь не простые рабочие. Они захотят, так и восемьсот кирпичей в день уложат, и указывать им ничего не надо. На их месте и ты бы такой же был. Зачем позволять, чтоб тебя притесняли, когда можно найти другую работу. Я их не виню. Я сам когда-то был каменщиком.

— Но вы, наверно, не так себя вели, как эти?

— Почему не так? Как раз так и вел.

— Вы как будто гордитесь этим.

— Ну и что? — вспыхнул он. — Я стоял за свои права. Разве это

человек, ежели он терпит, когда ему садятся на голову. Это глупо. Не должно такого быть.

Я поспешил согласиться, чтобы не раздражать его еще больше, и на том наш разговор окончился.

Каменщики наконец прибыли, и уж действительно боевые это оказались ребята! Какая независимость! Какой вызывающий тон! Какая щепетильность насчет всяких прав и привилегий, которые полагались им по условию! Я взирал на них с изумлением. В большинстве это были крепкие, здоровые молодцы и, судя по всему, работники хоть куда, но они столько кричали о своих правах и так чванились своим искусством, что иметь с ними дело было отнюдь не сладко. Тут и святой потерял бы терпение, не то что крутой и вспыльчивый подрядчик-ирландец. «В первый черед», как выражались у нас на железной дороге, они пожелали узнать, работают ли здесь не члены рабочего союза, и если да, то не угодно ли будет администрации немедленно их уволить? В случае отказа они сейчас же бросают работу. Это дало Рурку повод для нескончаемых пререканий, в которые он вложил редкостный пыл и красноречие, но неорганизованных рабочих все-таки уволили. Далее наши каменщики заинтересовались вопросом, когда, где и как будут получать деньги. Им было желательно, чтобы выплата заработков производилась в любое время по первому их требованию, — и это повело к новым спорам, ибо железнодорожная компания платила раз в месяц. Но и это уладилось. По особой договоренности со строительным отделом решено было по первому же требованию каменщиков выплачивать все ими заработанное. И я каждый раз, как они требовали денег, должен был бегать в контору и получать для них плату. Затем начался спор о том, по сколько кирпичей они должны укладывать в час, сколько человек необходимо поставить на каждую стену, в какой срок они должны, или смогут, или пожелают закончить кладку, и так далее, и тому подобное. Этого только и нужно было Рурку. Наконец-то он почувствовал себя в родной стихии: кричал, размахивал руками, требовал, чтоб они перестали валять дурака или убирались ко всем чертям. Когда и это все утряслось, каменщики соблаговолили наконец взяться за свои мастерки, и работа закипела. Зрелище было величественное, поистине вдохновляющее — сорок, а то и пятьдесят каменщиков выстроились в ряд, вокруг них хлопочет человек двадцать помощников: снуют итальянцы, поднося все новые и новые партии кирпича; плотники под руководством другого десятника уже готовятся настилать балки и перекрытия на быстро растущие стены.

Рурк совсем уже не отлучался со строительной площадки. Он,

казалось, сразу был в десяти местах: спорил с одним рабочим, распекал другого и уж обязательно гнал кого-нибудь за расчетом. «Слазь! Слазь, тебе говорят!» — слышался яростный крик, затем появлялся Рурк, за ним, изрыгая угрозы, поспешал разгневанный каменщик. Рурк требовал, чтобы я сейчас же подсчитал ему отработанные часы и бежал в контору за деньгами. Пока я это делал, каменщик слонялся по стройке и подбивал остальных тоже бросить работу. Иногда, но не часто, ссора кончалась примирением. В большинстве же случаев каменщик сам рад был получить расчет и поскорее истратить свои денежки. Рурк до странности равнодушно относился к тому, уйдет такой смутьян или останется.

— Выпить человеку захотелось, — говорил он с иронией.

А мне казалось, что передо мной разыгрываются бесконечные сценки из водевиля.

Постепенно все вошло в колею. Каменщики и Рурк пресытились скандалами. И работа стала еще быстрее продвигаться вперед. Рурк, заложив руки за спину, прохаживался по лесам вдоль растущих стен или внизу по площадке вокруг фундамента; он весь как-то топорщился от удовольствия и поглядывал на рабочих с задорной ухмылкой. Дело шло так хорошо, что придирааться было не к чему, но он считал своим долгом сохранять воинственный вид. Он и теперь ухитрялся иной раз повздорить с каким-нибудь зубастым каменщиком и даже, случалось, отправлял его в контору за расчетом, но такие случаи бывали редки.

Тремя неделями позже, когда я совсем уже собрался объявить Рурку, что не могу больше откладывать свой уход, ибо мое здоровье достаточно окрепло, а кошелек изрядно отоцал и пора мне позаботиться о своих финансах, в холодный декабрьский день разразилась катастрофа. Рурк и несколько итальянцев (в том числе Мэтт и Джимми) работали в центральном зале, уже почти законченном, как вдруг взорвался паровой котел подъемника, помещавшийся внутри здания, как раз на стыке трех стен; взрывом разнесло одну стену, выбило из пазов балки и перекрытия, и весь второй и третий этаж — пятнадцать тысяч кирпичей — рухнули вниз. Несколько секунд низвергалась настоящая лавина из кирпичей и бревен; когда все стихло, оказалось, что Рурк и пятеро итальянцев погребены под развалинами. Все, кроме Джимми, получили серьезные ранения. Два итальянца были убиты на месте, третий умер через несколько дней. Рурк перед взрывом находился в самом опасном месте и пострадал очень сильно. Его по пояс завалило грудой кирпичей, огромная балка придавила ему плечо, расшибла голову, рассекла ухо. На него было страшно смотреть — весь в крови, с перекошенным от боли лицом. Но он не утратил ни

мужества, ни присутствия духа, как и следовало ожидать.

— Эк меня зажало! — были его первые слова. — Хорошо, хоть только ноги, а не всего. Бросьте, бросьте, не надо меня откапывать. Других ищите. Итальянцы где-нибудь здесь.

Мы не послушались и начали его высвобождать. Кирпичи так и летели во все стороны. Но он нас остановил.

— Итальянцам помогите! — с прежней властностью в голосе закричал он. — Итальянцев засыпало. Тут Джимми и Мэтт. Мне ничего, я обожду! Узнайте, что с ними!

Пришлось послушаться. Мы оставили Рурка и принялись откапывать итальянцев. К этому времени со станции и из мастерских сбежалось много народу, все бросились нам помогать. Рурк, изувеченный, терпя жестокую боль, все еще порывался начальствовать и командовать. Но теперь в нем было какое-то несвойственное ему прежде благородство, даже величие. Казалось, это был сказочный великан, получеловек, полубог, сотворенный частью из плоти и крови, частью из кирпича и камня, с горних высот взиравший на наши земные усилия.

— Поднимай балку! Берись за конец! Вон там! Теперь снимай кирпичи! Вон, вон его голова! Не видишь? Э! Дурачье! Вон же, вон она!

Можно было подумать, что мы не его спасители, а беспомощные создания, нуждающиеся в опеке, слуги и рабы, обязанные слепо исполнять его повеления.

Вскоре нам удалось освободить Рурка и его пятерых помощников; двое оказались мертвыми. Мэтт был тяжело ранен в голову, Джимми, неуязвимый, отделался пустяками — синяком и ссадиной на плече. От испуга он немножко ошалел и даже в этот трагический миг невольно вызывал смех.

— Вот это грохнуло, — произнес он, придя в себя. — Я думал, свету конец! Мистур Рук! Мистур Рук! Где мистур Рук?

— Я здесь, итальяшка ты разнесчастный! — весело откликнулся неукротимый Рурк из-под обломков. Мы к этому времени успели откопать его только наполовину. И затем уже более слабым голосом он сокрушенно добавил: — Что, небось, здорово тебя покорежило?

— Нет, нет, мистур Рук! Ничего, мистур Рук! Помогайте мистуру Руку! — кричал Джимми, подбегая к тем, кто откапывал «мистура Рука», и принимаясь расшвыривать кирпичи.

Наконец мы высвободили Рурка из-под обломков. Все время, пока мы хлопотали вокруг него, он гнал нас от себя, словно стесняясь, что столько людей из-за него волнуются и суетятся, а один раз, когда мы, надрываясь,

оттаскивали балку, воскликнул:

— Тише, не спеши! Не надрывайся! Зачем? Мне не так уж плохо, не спеши! Джимми, убери-ка вон ту доску с дороги.

Но когда мы его откопали, сразу стало ясно, что, вопреки его уверениям, ему очень плохо и «покорезило» его очень сильно, может быть, даже насмерть. Как потом объяснили врачи, у него было раздроблено бедро, перебиты обе ноги и повреждены внутренние органы. Только когда убрали давившие на него обломки, он сам, кажется, понял, как плохи его дела. На полу, поверх подстилки из стружек, разостлали брезент, принесенный начальником депо, на брезент положили Рурка, и врачи — к этому времени успели прибыть две кареты скорой помощи — приступили к осмотру. Пока они этим занимались, Рурк критически и не без иронии наблюдал за их действиями и даже раз или два отпускал какие-то шуточки. Когда же его собрались увозить и на его вопрос, что с ним, врач бодро ответил: «Ничего страшного!» — Рурк начал беспокойно озираться по сторонам. Наши взгляды встретились, и я увидел по его глазам, что он отлично понимает всю опасность своего положения.

— Мне бы священника, Тедди, — прошептал он. — И еще, если тебе не трудно, съезди в Маунт-Вернон, расскажи жене. Не то ей пошлют телеграмму и перепугают насмерть. А ты ей осторожненько... Пускай не думает, что со мной что-нибудь серьезное. Не надо... Ведь не так уж сильно меня придавило.

Я обещал исполнить его просьбу. Тут же один из докторов, зная, что раненый терпит невыносимую боль, впрыснул ему в бедро кокаин. Через несколько минут Рурк впал в забытие. Я оставил его на попечение медиков и, послав за священником, поспешил в Маунт-Вернон.

Рурк прожил еще неделю в жестоких страданиях и умер от заражения крови. За день или за два до его смерти я был у него в больнице. Я старался, как мог, выразить ему сочувствие, говорил о том, как ужасно, что в жизни ничего нельзя предугадать заранее, и порицал управлявшего подъемником машиниста, чья небрежность, вероятно, была причиной взрыва. Но Рурк ни на что не жаловался.

— Это завсегда может случиться, — только и сказал он. — Не бережешься. У меня до сих пор никого еще не калечило и не убивало. А теперь вон что вышло. Значит, такая уж судьба.

Могучий Рурк! Можно было подумать, что все итальянцы, населявшие Маунт-Вернон, знали и любили его, так много их собралось на похороны. Казалось, для них это было событие государственной важности. Они приходили целыми толпами, переполняя маленькую кирпичную церковь,

где не раз видели Рурка за молитвой. Явился и Мэтт, еще не оправившийся, с перевязанной головой и необычайно печальный. Джимми, этот недавний ловкач и интриган, выглядел совсем потерянным: он горько плакал, закрывая лицо руками, всхлипывал, захлебывался, слезы текли по его темным, загрубелым пальцам.

— Мистур Рук! Мистур Рук! — повторял он, глядя на тело.

Потом гроб понесли на кладбище, и он побрел следом, низко склонив голову; когда же гроб стали опускать в землю. Джимми опять безутешно разрыдался:

— Мистур Рук! Мистур Рук! Я с ним пятнадцать лет работал!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)